

Мы часто совершали съ нимъ длинныя прогулки. Онъ всегда умѣль оживлять ихъ; затѣвалъ бѣгать въ перегонки, или же съ моими братьями игралъ въ чехарду. Останавливалась и отдыхать по дорогѣ онъ не любилъ, чѣмъ я бывала недовольна.

Отношения Льва Николаевича къ моимъ сестрамъ оставались неизмѣнно ровны, просты и серьезны. Лишь со мною онъ обращался какъ съ дѣвочкой, ребенкомъ, шутя трунилъ надо мной, передразнивая мой выговоръ; заставлялъ пѣть, называя *madame Viardo*.

Въ большихъ семьяхъ, какою была наша, обыкновенно находятся люди, которые не пропускаютъ случая заняться сплетнями. Такіе нашлись и у насъ. Двѣ сестры нѣмки,—одна, жившая гувернанткой у насъ, а другая у графини Маріи Николаевны,—начали болтать, что «графъ єздить въ домъ для старшей сестры». Эта сплетня косвенно повліяла на мою вторую сестру: хотя ея живой и веселый характеръ ни въ чемъ не измѣнился, и она, по-прежнему, принимала участіе въ удовольствіяхъ и затѣяхъ нашихъ, но я замѣтила, что, когда пріѣзжалъ Левъ Николаевичъ, она стала держать себя въ сторонѣ, и, когда мы поздно вечеромъ оставались вдвоемъ, я замѣчала въ ней оттѣнокъ грусти и сомнѣнія.

Ей хотѣлось высказать и излить все накопившееся въ сердцѣ, и она начала писать поэсть, гдѣ описала себя, Льва Николаевича, много другихъ лицъ и меня, по моей просьбѣ,